

Дашиева Соелма Цырен-Дашиевна

ассистент кафедры восточных языков
Бурятского государственного университета
тел.: (908) 592-48-24

**БИНАРНАЯ ДИХОТОМИЯ
«МУЖЧИНА-ЖЕНЩИНА» ВО ФРАЗЕОЛОГИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ МОНГОЛЬСКОГО,
БУРЯТСКОГО, РУССКОГО И КИТАЙСКОГО
ЯЗЫКОВ)**

Аннотация:

В статье рассматриваются некоторые гендерные особенности фразеологических единиц монгольского, бурятского, китайского и русского языков. Гендер представлен как основная бинарная дихотомия и один из параметров социальной идентичности индивида.

Ключевые слова:

мужчина, женщина, фразеология, монгольский язык, бурятский язык, русский язык, китайский язык.

Dashieva Soelma Tsyren-Dashievna

assistant of the chair of oriental languages,
Buryat State University
tel.: (908) 592-48-24

**BINARY DICHOTOMY
“MAN-WOMAN” IN PHRASEOLOGY
(ON THE MATERIALS OF MONGOLIAN,
BURYAT, RUSSIAN AND CHINESE
LANGUAGES)**

The summary:

The article examines some gender-specific of phraseological units of Mongolian, Buryat, Chinese and Russian languages. The gender is represented as one of the basic binary dichotomies and one of the parameters of, social identity of the individual.

Keywords:

man, woman, phraseology, the Mongolian language, the Buryat language, the Russian language, the Chinese language.

Являясь ближайшими соседями, Россия, Монголия и Китай, вольно или невольно находятся в тесном взаимодействии и взаимовлиянии, несмотря на то, что культуры народов, населяющих данные страны, во многих аспектах различны. Очень часто люди «...владея одним и тем же языком, люди не всегда могут правильно понять друг друга, и причиной часто является именно расхождение культур» [1, с. 26].

Каждый этнос формирует свою особую картину мира, с присущими ей уникальными, колоритными, национальными признаками. Одним из главных выразителей этнической ментальности является язык, который репрезентирует определенное видение мира сквозь призму национального языка, формируя тем самым, языковую картину мира. Таким образом, язык является транслятором культуры, в котором отражается менталитет народа, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение и видение мира.

Как известно, носителем культурной информации является языковая личность, творящая и творимая языком. Человек как разностороннее и многогранное существо находится в центре мироздания, став точкой отсчета и мерой всех вещей.

Принцип «человека в языке», или антропоцентризма, утверждался в отечественном языкознании достаточно давно и нашел отражение в работах видных ученых Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, Ю.Д. Апресяна, В.М. Алпатовой и других.

Антропоцентричность языка наиболее явно проявляется во фразеологии, являющейся ярким фрагментом языковой картины мира, где человек прежде всего предстает в фундаментальной для человеческой культуры оппозиции – «мужчина – женщина».

Первоначально маскулинность и фемининность были зафиксированы еще в мифологии как основная бинарная дихотомия, посредством которой интерпретировался весь мир – и славянские представления о Земле-матери и Небе-отце, и древнекитайская концепция Инь и Ян [2, с. 121], и у монгольских народов *ундэр тэнгэри эсээзмнай, үлгэн дэлхэй эхэмнай* «высокое небо – отец наш, широкая земля – мать».

Наше обращение к изучению гендерно обусловленной информации во фразеологии монгольского, бурятского, русского и китайского языков представляется особенно важным в условиях нашей многонациональной республики, когда наблюдается активное смешение вышеуказанных народов, языков и культур, «когда межкультурная коммуникация происходит ежеминутно и человечество понимает, что выживание, продолжение и развитие цивилизации во многом зависит именно от эффективной межкультурной коммуникации. Как никогда встала проблема воспитания терпимости к чужим культурам, пробуждения интереса и уважения к ним, преодоления в себе чувства раздражения от избыточности, недостаточности или просто непохожести других культур» [3, с. 9].

В данной статье понятие «гендер» раскрывается как система процессов и отношений, отражающих взаимосвязь биологического пола человека с его культурной идентичностью, социальным статусом, психическими особенностями и поведением, выявляющиеся как общие, так и специфичные признаки в репрезентации мужского и женского в культуре и языке.

Как показал анализ материала, к общим признакам относится андроцентричность языка, где отражена преимущественно мужская картина мира и мужская власть в нем.

Монгольская, бурятская, русская и китайская фразеология представляют несвободный образ женщины, где ее характер и деятельность жестко разграничены. Наблюдается более низкая оценка ее деятельности, незначительность мнения. Женский ум воспринимается зачастую как неспособный к здравому мышлению, так как женщина отличается нелогичностью и повышенной эмоциональностью.

Подавляющее большинство формирующих его паремий атрибутируют женщине негативные морально-нравственные качества и низкий интеллект: *волос длинный, да ум короткий – үһэниинь ута, ухааниинь богони – 女人头发长见识短.*

Однако в русской и бурят-монгольской картине мира все же допускается такое явление, как умная и мудрая женщина, например, *женский ум лучше всяких дум*; бур.: *эхэнэр хүн эрэхээ хурса байжа болодог* (букв. «бывает женщина умнее мужчины»), тогда как в китайской картине мира «безграмотность – женская добродетель». Для китайской женщины наиболее важным качеством обнаруживается внешняя красота: *月眉星眼* букв. «брови как месяц, глаза как звезды»; *月貌花庞* «красавица как луна и цветы».

Как отмечает Н.В. Солнцева, «у народов Восточной и Юго-Восточной Азии характерны одни и те же фрагменты действительности, используемые для передачи образа красоты. Например, при описании красоты метафоры строились на основе сравнения с одними и теми же светилами» [4, с. 287]. Например, у монголоязычных народов красивые женские лица сравниваются с солнцем и луной: *хоолзуураарнь харахада, нара харахан шэнги, хоолойгоорнь харахада, нара харахан шэнги* «посмотреть спереди на ее лицо, словно солнце сиянье льет, посмотреть сзади на затылок ее, словно луна в облаках плывет».

Маркерами красивой внешности в культуре китайцев и монголоязычных народов чаще всего выступают природные метафоры, где подчеркивается единая целостность человека и природы, понятие *красота* проявляется в олицетворении природы: *уулын буга (согоо)* (букв. «горная лань») – красота, изящество, грациозность; *桃花* «цветок персика» и т.д.

Для русской женщины внешняя привлекательность характеризуется с признаками, коррелирующими с физической силой – статность, здоровье, крупные размеры: *кровь с молоком; кругла, бела, как мытая репка; красна как маков цвет* и т.д., а также присутствием «гастрономической» метафоры: *сладкая, сдобная, аппетитная*. То есть параметр «красота» постулируется как нерелевантный, привлекательная внешность не так существенна, как хозяйственность и домовитость, столь важные в семейной жизни.

Фразеологические единицы, отражающие сферу семейно-родственных отношений, являются самыми многоаспектными и разносторонними. Здесь представлены два совершенно противоположных мнения о слабом поле. С одной стороны, женщина предстает как духовно сильная личность, на фоне которой мужчина слаб и беспомощен: *мужик без бабы пуще малых деток сирота*; монг.: *эмээгийн эр өдрийн гулгагчин эхнэргүй хүн шонийн гуйлгагчин* (букв. «мужчина без седла днем – попрошайка, а без жены ночью попрошайка»), с другой стороны, как униженное и безропотное создание, находящееся в полном подчинении у мужа: *чем больше жену бьешь, тем щи вкуснее*; монг.: *эрийн боол* (букв. «слуга мужчины, мужа»); кит.: *娶到了媳妇买到的马, 由人骑由人打* (букв. «женщина, на которой женился, как купленная лошадь, ее бьют и на ней ездят вволю»). Специфичным в русской и монгольской фразеологии является то, что мужчина без жены ассоциируется как неполноценный член общества, тогда как в китайской культуре это никак не отражено, подчеркивая тем самым еще большую незначительность женщины.

Однако в русской и китайской картине мира женщине приписываются такие маскулинные качества, как мужественность, храбрость: *бой-баба; Наполеон в юбке; железная леди; «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет»*; кит.: *巾帼英雄* «женщина-герой»; *女中豪杰* «женщина-рыцарь».

Еще одним положительно коннотированным признаком во фразеологических системах всех четырех языков предстает образ доброй и заботливой матери. Интересно отметить тот факт, что в бурят-монгольской фразеологической картине мира образы матери и отца обладают одинаковой степенью важности, имеют одинаковую силу влияния и любви: *эх эсэг хоёр – наран нара шэнги* «отец и мать как солнце и луна». В русской картине мира роль отца второстепенна после матери: *отцов много, а мать одна*. Китайская нравственность основывалась на естественной власти отца и безропотном повиновении сына: «Если при жизни отца следовать его воле, а после смерти следовать его поступкам и в течение трех лет не изменять порядков, заведенных отцом, то это можно назвать сыновней почтительностью».

На основе вышеизложенного, можно сделать заключение, что на восприятие образов мужчины и женщины оказали значительное влияние экстралингвистические факторы (исторические, социальные, экономические, политические, культурологические, этнические), которые обусловили различия в социально-правовом и бытовом положении мужчин и женщин разных культур.

Универсальные межъязыковые стереотипы объясняются общим взглядом на мир, взаимопроникновением образов культур в результате культурных связей, наличием единых элементов культуры.

Ссылки:

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1990.
2. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие. М., 2001.
3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие. М., 2000.
4. Солнцева Н.В. Идеал красоты в восточном мире // Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного / сост. и отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2004. С. 283–290.

References (transliterated):

1. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Yazyk i kul'tura. M., 1990.
2. Masiyova V.A. Lingvokul'turologiya: textbook. M., 2001.
3. Ter-Minasova S.G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: textbook. M., 2000.
4. Solntseva N.V. Ideal krasoty v vostochnom mire // Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki estetiki: kontseptual'nye polya prekrasnogo i bezobraznogo / comp. and ex. ed. N.D. Arutyunova. M., 2004. P. 283–290.